

Детвора во дворе быстро собралась вместе. Эрпан разглядывал картинки с живейшим интересом, а Маганьэр то и дело хихикал в кулак. И лишь Эрмяо хмурился, глядя на всё это с нескрываемым пренебрежением.

«И что тут интересного?» — явно читалось в его хмуром взгляде.

— Ты что, уже всё это знаешь? — удивился Юйцин.

Эрмяо угрюмо помалкивал, не отрывая взгляда от схемы развития эмбриона, и о чём он думал в этот момент, оставалось только догадываться.

— Да ну, скукотища, — согласился Маганьэр. — Картинки же не двигаются.

Его глаза хитро блеснули, а голос опустился до заговорщического шёпота:

— Слушайте, я знаю одно место, где кассеты дают напрокат. У Эрмяо ведь дома импортный видик есть, да?

— Моя мать сейчас не в себе, — отрезал Жуньшэн. — Не хочу лишний раз нарываться на скандал.

— Вот жадина, — буркнул раздосадованный Маганьэр.

— Да ладно тебе, — махнул рукой Эрпан. — Можно и у меня посмотреть. Я сам кассету раздобуду.

В итоге заветную видеокассету они раздобыли. Занавесив окна в комнате Эрпана так плотно, что в комнате воцарился кромешный мрак, мальчишки сгрудились вокруг старого, капризного видика. Аппарат то и дело хрипел и завывал, а изображение шло полосами: то звук пропадёт, то экран зарядит густой «снежной» крошкой. Ребята уже извелись от нетерпения, а потом и вовсе начали клевать носом. Юйцин почти заснул, когда Эрпан бесцеремонно толкнул его в бок.

— Началось, началось! Доудоу, гляди скорее!

Юйцин вперил взгляд в экран. Два голых тела увлечённо тузили друг друга. Дрожащий объектив ходил ходуном, а колыхание плоти в кадре живо напомнило Юйцину куски свежей свиной грудинки, только что выложенные на мясной прилавок.

Маганьэр шумно сглотнул слюну, Эрпан заворожённо замер, не в силах оторвать взгляда от телевизора. А вот Эрмяо... Эрмяо давно и след простыл — никто даже не заметил, когда он ускользнул.

Юйцин сладко зевнул, почесал свои кудряшки и тоже выбрался на свежий воздух.

На улице нещадно палило солнце. Жуньшэн в одиночестве сидел за каменным столом, уткнувшись в книгу, которую Юйцин прихватил из дома.

Юйцин устроился рядом, с разбегу запрыгнув на скамью.

— Ты же говорил, что и так всё знаешь?

— У тебя дома есть другие книги? — спросил Жуньшэн вместо ответа. — Дашь почитать?

— Есть, конечно, — кивнул Юйцин. — Но сначала надо у мамы спросить, они ей самой иногда нужны. — Он запнулся и с подозрением прищурился: — Погоди, а тебе зачем?

— Просто так, — невозмутимо отозвался Жуньшэн.

Юйцин сразу почуял подвох:

— Не скажешь правду — вообще ничего не получишь.

Жуньшэн отложил книгу в сторону и фыркнул:

— Вот ещё, скряга. Ну и не надо, больно хотелось.

Он, конечно, не обиделся — просто привык всегда огрызаться.

Юйцин притянул книгу обратно к себе, перелистывая страницы.

— А вообще, рожать детей — это, похоже, жуткая мука.

— Сами виноваты, — язвительно бросил Жуньшэн. — Детей никто не спрашивает, хотят они появляться на свет или нет.

Юйцин почувствовал, что в этих словах кроется какая-то затаённая горечь.

— Ты что... жалеешь, что родился?

Жуньшэн порывисто повернулся к нему, словно собирался что-то сказать, но осёкся и промолчал, отведя взгляд.

Юйцин немного подождал, но, так и не дождавшись ответа, быстро переключился на другое.

— Тоска-то какая... — вздохнул он. — Ещё год — и выпускные экзамены. За это лето под завязку завалят домашкой, вот увидишь.

— Поделим пополам, — вяло предложил Жуньшэн. — Спешим друг у друга, делов-то. Всё равно там задания для дураков, и думать не над чем.

— Это тебе легко говорить, — нравоучительно заметил Юйцин. — А у меня от этих задачек голова кругом. Эрмяо, вот бы мне твои мозги на время одолжить!

— Забирай, мне не жалко, — небрежно бросил Жуньшэн. — Да и сам ты не глупый. — Он на секунду задумался, и его голос заметно притих: — Слушай... как думаешь, я ведь... похож на отца?

Юйцин призадумался, прикидывая в уме.

— Похож, — кивнул он. — Вы оба ужасно умные. И лицо у тебя такой же формы, и разрез глаз один в один. К тому же вы оба терпеть не можете разговаривать с чужими людьми.

— Да, я тоже так считаю, — едва слышно пробормотал Жуньшэн.

Юйцин прекрасно понимал, что у друга на душе, поэтому дружески похлопал его по спине, пытаясь приободрить:

— На каникулах я поеду к тётке, поживу у неё немного. Поехали со мной? Летом в горах такая прохлада, и там можно на настоящих лошадях покататься! Всё лучше, чем дома киснуть, пока твоя мать на тебя волком смотрит. Хоть отдохнёшь от неё.

— Меня отправляют в летний лагерь, — угрюмо отозвался Жуньшэн. — Потом этот конкурс пианистов, да ещё к деду надо съездить... В общем, посмотрим.

Юйцин расстроился:

— Ты и прошлым летом то же самое говорил, и позапрошлым... Когда у тебя вообще время на меня найдётся?

— Сам не знаю, — вздохнул тот.

Юйцин внимательно всмотрелся в лицо друга:

— Твоя мама боится тебя отпускать, да? Из-за этого не разрешает?

— Да нет, — тихо ответил Жуньшэн. — Вот разведутся наконец — тогда всё проще станет.

Юйцин невольно встревожился:

— Неужели и правда разведутся?

Вместо ответа Жуньшэн протянул руку и медленно, с силой раздавил ползущего по каменному столу муравья.

Юйцину стало не по себе от этого зрелища.

— Муравей-то тебе чем не угодил? — буркнул он. — Смахнул бы просто, и всё.

Жуньшэн пропустил его слова мимо ушей.

— Как думаешь, — задумчиво спросил он, — можно любить человека и одновременно ненавидеть его всей душой?

Для четырнадцатилетнего Юйцина подобные страсти были чем-то из области книжных романов. Он честно попытался примерить этот вопрос на себя:

— Моя сестра вообще-то хорошая, я её люблю. Но когда она начинает меня задирать, я на неё жутко злюсь.

— Нет, это совсем другое, — помрачнев, отмахнулся Жуньшэн. — Тебе не понять.

Юйцин сокрушённо вздохнул:

— Так ты объясни нормально, тогда и пойму!

Пока они так лениво перебрасывались фразами, из подъезда вдруг пулей выскочил Маганьэр. Он бежал как-то странно, нелепо прижимая колени друг к другу, и сразу рванул в сторону уличного туалета.

Юйцин проводил его недоумённым взглядом и крикнул вслед:

— Эй! Ты чего?

Жуньшэн презрительно фыркнул:

— Ночная поллюция у него случилась.

Юйцин заморгал от удивления:

— Чего? Какая ещё ночная поллюция?

Жуньшэн уставился на него в упор:

— Ты серьёзно не знаешь?

— Да откуда мне знать-то? — Юйцин пожал плечами.

Какое-то время они молча разглядывали друг друга. Наконец Жуньшэн вздохнул, притянул к себе книгу, быстро перелистал её до нужной страницы и ткнул пальцем в текст:

— Вот, читай.

Юйцин углубился в чтение. Через пару минут на его лице отразилось глубокое понимание.

— А-а-а... — протянул он и тут же с любопытством спросил: — У тебя уже такое было?

Жуньшэн как-то сразу сник, плечи его опустились, а в голосе прорезалось раздражение:

— Нет ещё. Они же старше нас, дубина.

— Ну, у меня тоже пока не было, — примирительно заметил Юйцин.

Жуньшэн промолчал. Он протянул руку и принялся перебирать кудряшки на голове Юйцина: подцепит пальцем одну пружинку, вытянет её, а потом отпустит — и волосок забавно сжимается обратно.

Юйцин мотнул головой, пытаясь увернуться:

— Щекотно же, хватит дёргать.

— Настроение паршивое, так что терпи, — упрямо буркнул Жуньшэн, продолжая своё занятие.

— Да что я такого сказал-то? — искренне не понимал Юйцин.

— Дело не в тебе, — угрюмо отозвался тот.

Поразвлекавшись с его волосами как капризный ребёнок, Жуньшэн наконец немного поостыл. Он убрал руку и осторожно опустил голову на плечо Юйцина.

— Доудоу, — тихо позвал он.

— М-м? — отозвался Юйцин. — Давай летом на речку ходить, плавать научишься.

— Я не умею.

— Так я тебя научу, там вообще ничего сложного!

Голос Жуньшэна стал совсем мягким, почти сонным:

— Доудоу...

— Ну чего тебе?

— Да так, ничего... — прошептал он себе под нос. — Доудоу.

Юйцин чуть наклонил голову и ласково потёрся щекой о его макушку.

Они сидели, привалившись друг к другу в густой тени старой раскидистой сирени, когда во двор вошёл высокий незнакомец с зажатой в зубах сигаретой. Он огляделся по сторонам, заметил притихших у каменного стола ребят и направился к ним:

— Эй, пацаны, подскажите-ка: где тут дом Сюй Цзинцзин?